

ГОВОРЯТ ОЧЕВИДИЦЫ

ОСКАР ЛИНДНЕР

Приехав в Москву и познакомившись с директором техникума циркового искусства, мы были приятно удивлены: им оказался атлет Оскар Линднер, чье выступление мы видели в Казанском цирке в 1929 году. Особенно запомнился нам один трюк. Инспектор манежа предлагал желающим из публики растянуть круглую толстую резину красного цвета. В манеж выходили знакомые нам местные спортсмены — борцы и штангисты. Ни один из них не мог справиться с этой резиной. Некоторые пытались сделать это вдвоем, но безуспешно. Линднер, улыбаясь, брал резину, закладывая ее себе за спину, без видимых усилий растягивал ее на всю длину рук, и затем, наклонившись в левую сторону, разжимал кисти рук. Резина, взлетая вверх, гулко ударилась о купол цирка, падала оттуда на ковер, и, обессиленная, лежала, как огромный дождевой червяк.

До того, как стать директором, Оскар Густавович Линднер много лет сам был артистом цирка. Оказавшись в Советском Союзе на гастролях, он, немецкий коммунист, навсегда остался в нашей стране.

Он очень любил своих студентов. Был к ним внимателен, заботился о них. Постоянно помогал неимущим и часто голодным студентам, одалживая им деньги. Зная его безотказность, к нему обращались очень многие. Когда студенты возвращали ему взятые деньги, он никогда не принимал мелких долгов, говоря, что не помнит, когда их давал. Если должник все же пытался вернуть деньги, Оскар Густавович отшучивался: «Вы мне предлагаете взятку?» — и, добродушно улыбаясь, уходил.

Однажды к Линднеру обратился студент первого курса, шупленький подросток Герасимов.

— Оскар Густавович, Александр Васильевич два дня не обедал.

Директор поинтересовался, кто такой Александр Васильевич.

— Это я, — ответил подросток.

Линднер рассмеялся и дал ему на обед. С тех пор он называл студента не иначе, как Александр Васильевич, следил за тем, чтобы тот обедал каждый день. Както, в очередной раз давая Герасимову деньги, Оскар Густавович смущенно проианес:

— Александр Васильевич, пусть это будет нашим секретом, не говорите об этом вашим товарищам, а то у меня зарплата не очень большая.

Ко всем студентам Линднер обращался по фамилии, с добавлением слова «товарищ». Студентам, знавшим немного немецкий язык, он всегда говорил «геноссе».

Как трудно было Линднеру сводить концы с концами. Денег, отпускаемых на учебный процесс, не хватало, но он делал то, чего свободно мог бы и не делать: осуществлял подготовку и выпуск номеров конного жанра.

Вот где сказалоь то, что Линднер сам был артистом цирка, и прекрасно пони-

мал, что цирк без лошадей — не цирк. Правда, понимать-то многие понимали, но он осуществлял задуманное в невероятно трудных условиях.

В те годы из техникума были выпущены конные номера: две группы жокеев, вольтиж, гротеск-жонглер на лошади.

Единственным местом для тренировок и репетиций всех номеров у нас был манеж. Конные номера репетировали с шести часов утра. Конюшни для содержания лошадей не было. Кое-как утеплили деревянной сарай. Большею частью покупали лошадей, выбракованных из цирковых конюшен. На фураж отпускались ничтожные суммы. Участники конных номеров делились с четвероногими партнерами своими скудными пайками. Частенько Линднер, приходя на работу, прежде чем зайти в свой кабинет, шел в сарай к лошадям с большим пакетом. Мы знали, что Оскар Густавович и его семья постоянно заботятся о лошадях.

Находясь на посту директора ТЦИ, Линднер продолжал тренироваться, всегда был в хорошей спортивной форме и в этом служил для нас примером. В нем очень гармонично сочетались большая физическая сила и истинная интеллигентность. Двигался он изящно. Рукопожатие у него было энергичное, но мягкое.

...Перед войной О. Г. Линднер был репрессирован и выслан из Москвы. След его потерян.

С. КУРЕПОВ,
И. ФРИДМАН.

1929

—

1939

Сов. цирк, 1989
20 апреля